

Ирина СЕМЕНКО

РАННИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ ЦИКЛА "АРМЕНИЯ" О.МАНДЕЛЬШТАМА

Говоря, что у него "нет черновиков", Мандельштам имел в виду не ход своей поэтической работы, а чуждое ему соби́рание архива для "потомства". "Черновики никогда не уничтожаются" – это относится также не к сохранности рукописей, а к сохранности черновика в образной системе окончательного текста. В завершенной системе сохраняется "энергетика" созидания, и потому окончательный текст – не застывший, а динамический; варианты, даже отброшенные, в нем интегрированы. Это относится, в сущности, к черновой работе всякого писателя. К Мандельштаму – в особенности. У зрелого Мандельштама первоначальные стадии работы меньше всего связаны со стилистической правкой, шлифовкой; он устремлен непосредственно к смыслу (Мандельштам – по собственному заявлению – "смысловик"). Вместо стилистической шлифовки он занят безудержным варьированием образов (метафор). Его первоначальные варианты часто не менее совершенны, чем окончательные, и это само по себе объясняет к более широкой их публикации.

В окончательном виде стихотворная "Армения" напечатана при жизни автора так, как он этого хотел. В семейном архиве есть разные редакции и некоторые черновики.¹

Концепция страны по существу у Мандельштама не менялась от более ранних к более поздним текстам. Образ Армении воссоздается сочетанием черт благородной древности, патриархального мирного быта и труда, исторических испытаний, специфического пейзажа и природных условий, а также характерного для страны человеческого типа, фонетических и графических особенностей устной и письменной речи.

Все это не является отличием ранних редакций от поздних, но в ранних поэт разрешает себе больше любимой им игры значениями и реалиями.

Главные темы цикла уже содержатся в перестроенном затем стихотворении, предшествовавшем его созданию и ставшем для него основой ("Ломается мел и крошится..."). Из его вариантов автор сделал позднее два

разных стихотворения - "Ты красок себе пожелала..." и "Как люб мне натугой живущий..."² (последнее не вошло в цикл). К тому же источнику восходит и "Ты розу Гафиза колышешь...".

Наиболее ранняя редакция стихотворения "Ломается мел и крошится..." дошла в своем готовом, окончательном виде, без предшествовавших черновых набросков.³ Приведем ее, для цельности картины, полностью. Два заключительные ее строфы до сих пор не публиковались:⁴

Ломается мел и крошится
Ребенка цветной карандаш...
Мне утро армянское снится,
Когда выпекают лаваш.

И с хлебом играющий в жмурки
Их вешает булочник в ряд,
Чтоб высохли барсовые шкурки
До солнца убитых зверят.

Страна москательных пожаров
И мертвых гончарных равнин,
Ты рыжебородых сардаров
Терпела средь камней и глин.

Впали якорей и трезубцев,
Где жухлый почил материк,
Ты видела всех жизнелюбцев,
Всех казнелюбивых владык.

И крови моей не волнуя,
Как детский рисунок просты,
Здесь жены проходят, даруя
От львиной своей красоты.

Как люб мне язык твой зловещий,
Твои молодые гроба,
Где буквы - кузнечные клещи
И каждое слово - скоба.

Раздвинь осьмигранные плечи
Мужицких бычачьих церквей,
В очаг потухающей речи
Открой мне дорогу скорей.

Багряные "уни" и "ани"⁵ -
Натуга великих родов -
Обратно под своды гортани
Рванулась запряжка быков.

"Уни" и "ани" - имеются в виду характерные для армянского языка окончания слов; таково, например, древнее название - "Эребуни".⁶

Поскольку текст приведенной редакции дошел в уже перебеленной

записи, невидимо первоначальное ядро, из которого развилась система образов. Нельзя проследить за последовательностью рождения мотивов, за "рабочими" ассоциативными ходами. Ассоциации следуют друг за другом уже линейно, без смысловых зигзагов (столь характерных для первоначальных черновиков Мандельштама): ребенок - детский рисунок - труд как детская игра со зверятами (барсы) - женский тип, как детский рисунок и как львиная красота.

В этой последовательности и в этом разнообразии мотивов обращает на себя внимание любопытное обстоятельство. Мотивы - однородны, в сущности идентичны по смысловому значению, хотя воплощены в различных тематических рядах: выпекание хлеба, география и история страны, характерный тип, архитектура, язык.

Когда многие из этих мотивов распределились по разным стихотворениям цикла, их однородность (идентичность) стала менее заметной, благодаря разрывам, отграниченности одного стихотворения от другого. В линейной композиции одного стихотворения - зародыша цикла - эта особенность мандельштамовской метафоры выступает гораздо яснее.

Равнозначность мотивов (разумеется не абсолютная) создается путем их расширяющегося в охвате совмещения-приравнивания.

Детскость, простота, звериность, женское начало совмещены в строфах 1, 5; к детской игре приравнен труд, одновременно совмещенный и со "звериным" мотивом в строфе 2; все это в совокупности приобретает окраску красоты, благородства и мощи (зверята-барсы, лев - 2, 5). Так в строфах 2, 5 оказываются совмещены благородство, мощь, труд, детскость, звериность, красота, простота, детское и женское начало - через барсовы шкурки, детский рисунок, игру и льва.

Легкость детской игры тут же оборачивается тяжестью труда, ибо это игра с хлебом и барсом.

Далее детское, женское, звериное, трудовое начала объединяются через тяжесть и натугу физического деторождения. Женские роды даны как тяжкий труд, звериное напряжение, мука, в "бычьей" метафоре 8-й строфы. Труд, обусловленный историей и географическим положением, его простота ("москательный", "гончарный"), тяжесть, мука, терпенье - в строфах 3, 4. В звериной (также "бычьей") метафоре труда дан мотив архитектуры "мужичьих бычачьих церквей" (7). К орудиям простого, благородного, тяжелого, терпеливого ремесленного труда приравнено начертание букв ("кузнечные клещи", "скоба").

Армянская речь, ее артикуляция и судьба воплощены в уже упомяну-

той метафоре родов. Труд и натуга физических родов - таково рождение языка. Роды - физический акт деторождения и натужной речевой артикуляции, произнесения слов. Внутренние ("багряные") "уни и ани" - это крик роженицы и специфика устройства армянских слов. Трудность, физиологическая напряженность артикуляции дана в заключительной "бычьей" метафоре ("Рванулась запряжка быков").⁷

Язык оказывается привилегированным символом Армении. В заключительной строфе многие из мотивов (если не все) свернуты в образ языка, в метафору рванувшейся запряжки быков.

В конечном счете бык и лев оказываются в стихотворении эмблемами Армении. Замечательно, что если в данной редакции к языку отнесен только мотив быка, то в одном из дальнейших вариантов появится, как увидим, и мотив льва ("послушаем львиные речи").

Чужие языки - одна из тем творчества Мандельштама (итальянский, немецкий). Они у него располагаются одновременно в крайних точках на оси свое - чужое. Само глубокое осознание чуждости было ступенью освоения. Армянскую речь, как известно по прозаической "Армении", поэт пытался изучить и сразу "усвоил" те ее признаки, которые радикально отличают ее от языков европейских.

Парадоксально, что все указанные мотивы, в том числе речь, от начала и до конца стихотворения сопряжены с мотивом уничтожения и смерти.

Детскость связывается с распадом - ломается, крошится мел у ребенка - (1); зверята - "убитые" (2); географическое положение - на "мертвых" равнинах, на "жухлом" материке, который "почил" (3,4);⁸ жизнелюбие владык неотделимо от их казнелюбивости (4); характерно и "крови моей не волнуя" (5); "молодые гроба" (6); "потухающая речь" (7), и особенно "обратно под своды" (8). В этой последней строфе роды парадоксально происходят в обратном направлении, снаружи вовнутрь, в небытие. Натуга этих великих обратных родов венчает все построение и сводит воедино значения предшествовавших мотивов. Рождение языка, тяжесть этого рожденья, натуга артикуляции открыто ассоциируется с уничтожением ("обратно под своды гортани"). А до этого, в 6-й строфе, в уподоблении начертаний букв орудиям живого ремесленного труда (скоба, кузнечные клещи) имелись в виду надгробные надписи.⁹

Совмещение рожденья со смертью, молодости с гробами пронизывает текст. В открытом выражении это будет дано в дальнейших вариантах заключительной строфы.

Итак, богатое разнообразие предметов изображения в метафорической структуре этого стихотворения оборачивается концептуальным единообразием. Противоречие это кажущееся. По своей природе метафора, полнотой уподобляющая одно явление другому, в смысловом отношении их уравнивает, хотя, как предметы изображения, они различны. На уяснение этого теоретического положения подробный анализ ранней редакции стихотворения Мандельштама проливает дополнительный свет.

Переписанное набело, вполне завершённое стихотворение сразу же превращается автором в черновой материал. Но многократно переправляются только две последние строфы. И это выражает главный принцип работы поэта — он не шлифует текст, а продолжает развивать сюжет путем присоединения новых мотивов, пока еще в границах прежнего финала.

Поправки дают такой его вариант:

Раздвинь осьмигранные плечи
Мужичьих своих крепостей,
В очаг вавилонских наречий
Открой мне дорогу скорей.

Я твердых ищу окончаний,
В огонь окунаемых (?) слов,
Обратно под своды гортани
Рванулась шестерка быков.

Центральным здесь является новый мотив "вавилонских наречий". Он генетически связан с мотивом обратного пути (обратные роды) прежней редакции. Сама эта метафора снята, но одно из ее значений сохраняется и получает дальнейшее развитие: обратный путь = дорога в древность. Армянский язык (народ) трактуется как живая манифестация давно исчезнувшего (так снова совмещены жизнь и смерть).

Новый мотив Вавилона вызвал все же несколько отдельных поправок по тексту. Вместо церквей — крепости; вместо запряжки — шестерка быков, чем поддерживается вавилонский колорит и впечатление мощи.

Сняты "уни" и "ани". Это делает текст внешне более простым, однако введена другая и совсем не простая метафора огнеупорности слов. Мотив огня был подготовлен в предшествовавшей редакции цветовой метафорой слов ("багряные"). Согласуются огонь и очаг, хотя в слове очаг актуальнее значение не пламени (печь), а средоточия, первоисточка.

Этот сугубо черновой вариант был только пробой. Оба последних четверостишия, включая рассмотренную правку, в рукописи зачеркиваются. На полях — полная перестройка финала. Характеристика языка ограничена только одной строфой вместо трех ("Как люб мне язык твой зловещий").

В двух финальных строфах предметом изображения становятся быт и образ жизни, в более прямой, менее символической трактовке:

Как люб мне натугой живущий
Столетьем считающий год
Рожающий спящий орущий
К земле пригвожденный народ. 10

Лишь кой-где веселый мальчишник
Уживчивый праздничный хмель
Но серо-зеленый горчишник -
Безжизненный пластырь земель. 11

Повторение оборота ("Как люб мне...") органично - ведь язык и ранее был в стихотворении высшим символом народа. Акту родов возвращено прямое значение. Исключен мотив Вавилона, но свой след он оставил (мотив столетий). Новый мотив - безрадостность жизни, данная в картине редкого веселья ("лишь кой-где"). По существу в новых образах сохраняются основные элементы прежней концепции. "Столетьем считающий год" - концентрация мотивов тяжести (исторической и трудовой, патриархальной). Пригвожденность к земле имеет смысл не только связи с почвой, но и по-прежнему удаленности от моря. Безжизненность земель - вариация мотива мертвых равнин. Горчишник, пластырь - уточняющие метафоры, выражающие, по сути, тот же смысл, через признак окраски - серо-зеленый - и лечебную функцию (последнее будет развито в дальнейших вариантах).

В результате такой правки всего двух строф появилось много новых образов. Оказались вытеснены прежние. Впрочем предстоит их возвращение в дальнейших редакциях, а также создание на их основе самостоятельных стихотворений. Рассматриваемая рукопись уже содержит признаки того, что наличный текст одного стихотворения автор пробовал превратить в цикл из нескольких стихотворений меньшего объема.

Строфа "Как люб мне натугой..." зачеркивается. Возможно, что этим само стихотворение сначала превращалось в 7-ми строфное, и после строфы "Как люб мне язык..." предполагался сразу финал - "Лишь кой-где веселый мальчишник". Однако зачеркнутая строфа восстанавливается в правах (ее текст, без изменений, записан тут же вторично).¹² Под 5-й строфой видна четкая черта - знак отделения первых пяти строф от последующего текста. Автор попробовал таким способом превратить одно 8-ми строфное стихотворение в два - пятистрофное, оканчивающееся словами "От лвиной своей красоты", и трехстрофное (из четверостиший "Как люб мне язык...", "Как люб мне натугой..." и "Лишь кой-где весе-

лый мальчишник..."). Так впервые зафиксирован замысел цикла стихотворений, посвященных Армении.

Не ранее этого момента в творческой истории рассматриваемых стихов появилось на рукописи название "Армения".¹³ Оно относится не к первоначальной редакции стихотворения "Ломается мел и крошится...", а уже к циклу, хотя и состоящему только из строф этого стихотворения.

На той же рукописи зафиксирована еще попытка перестройки - превращение стихотворения "Ломается мел..." в цикл из 3-х небольших стихотворений. Первые две строфы заключены в большую квадратную скобу,¹⁴ и рядом поставлена римская цифра I. Знак отделения (черта) после строфы "Как люб мне язык твой зловедий" сохранен. Можно предположить, что первым стихотворением в этом маленьком цикле и мыслилось двух-строфное ("Ломается мел и крошится", "И с хлебом играющий в жмурки..."), - цифра I этому убедительное свидетельство. Вторым - трехстрофное ("Страна москательных пожаров", "Вдали якорей и трезубцев...", "И крови моей не волнуй..."). Третьим - также трехстрофное ("Как люб мне язык...", "Лишь кой-где веселый мальчишник...").

Таковы перипетии судьбы самой первой из сохранившихся редакций стихотворной "Армении". Автор продолжал ее полное преобразование.

Следующие этапы работы представлены разорванной надвое прижизненной машинописью в нескольких экземплярах. На каждом из них - правка, позволяющая реконструировать еще несколько редакций, по-прежнему различающихся финальными строфами, но также и с попытками нового начала.

Естественно рассмотреть машинопись, какой она была до правки - ведь ею представлена вторая беловая редакция стихотворной "Армении".

Машинопись уже с самого начала озаглавлена ("Армения"). Текст состоит из восьми строф. Первые шесть - такие же, как прежде. Для финала использованы не строфы "Я твердых ищу окончаний..." и "Лишь кой-где веселый мальчишник", а две другие - из прежних вариантов, но в обратном порядке:

Как люб мне натугой живущий,
Столетьем считающий год,
Рожающий, спящий, орущий,
К земле пригвожденный народ.

Раздвинь осьмигранные плечи
Мужичьих своих крепостей,
В очаг вавилонских наречий
Открой мне дорогу скорей.¹⁵

Третья редакция (черновая) - результат правки этой машинописи. На

полях размещены 11 черновых вариантов нового начала и 6 вариантов заключительного четверостишия.¹⁶ Радикальная перестройка начала могла стимулироваться тем, что перед этим была проба выделить строфы "ломается мел..." и "И с хлебом..." в отдельное стихотворение. Уточняется мотив детских цветных карандашей - их вынимают из пенала. Вводится мотив творения армянской земли. Движение назад, в древность, доходит до своей изначальной точки:

[Создатель], чтоб ты не пеняла
На скудость природы своей
Из детского вынул пенала
С полдюжины карандашей

И выбрал для [башенной] маски
[Достались (пробел) в удел]
Лишь самые главные краски¹⁷
Которыми демон(?) владел.

Этот первый вариант нового зачина, по аналогии с прежним, двух-
строфен; следующие однострофы. Зачеркнутое "Создатель" почти во всех
заменяется львом. Скудость природы компенсируется преобладанием в ней
"главных красок", а также (после варианта с Создателем) мощным и пре-
красным символом Армении - львом:¹⁸

И выбрал чтоб ты не пеняла
На скудость природы своей
(Рисующий) лев из пенала
(С полдюжины)¹⁹ карандашей

[Создатель] чтоб ты не пеняла
На скудость природы своей
Чтоб окроу ты прокричала
Взял дюжину карандашей...²⁰

Чтоб все не по нашему стало,
Взял хитрою лапой своей
Рисующий лев из пенала²¹
С полдюжины карандашей

И выбрал чтоб ты не скучала
Хитрейшею лапой своей
Рисующий лев из пенала
С полдюжины карандашей.

Ты красок себе пожелала -
И выхватил лапой своей
Рисующий лев из пенала
С полдюжины карандашей.

Иль птица ее рисовала?
Иль хитрою лапой своей
Раскрашивал лев, из пенала
Взяв дюжину карандашей?²²

Предпоследний из этих вариантов - "Ты красок себе пожелала..." - отмечен автором, что означает предпочтительность его перед другими. В конечном счете он и будет взят как основной. Отдельную группу на полях этой машинописи составляют наброски вариантов зачина с историко-географическим сюжетом:

Окрашена охрою хриплой
Заставлена (пробел) горой
Ты потом и кровью полита
На желтой подшиве земной.

Облуплено (?) бедное небо
Трава как седины виска.
Дома²³ из тюремного хлеба
Из мякиша строит (?) тоска.

Она изнывает²⁴ в застенке
Лекарственной злой тишины
И солнца персидские деньги²⁵
Ар(мянской) зем(ле) не нужны.

У дряхлого мира в застенке
Томилась она искони
И вот как персидские деньги
Ненужными сделались дни.

Вариант зачина с рисующим львом был оптимистичнее, благодаря детскому, игровому сюжету (лишенному при этом амбивалентности старого зачина с "убитыми зверятами").

Ряд мотивов здесь на свой лад повторяет прежние. Окраска - прежде серо-зеленая, теперь более яркая (охра), но также из невеселых. Желтизна почвы - это уже было. Лекарственная тишина - эпитет восходит к прежнему мотиву лечебных снадобий (пластырь, горчишник). Дряхлость - аналог древности (с отрицательным знаком), то же - "искони". "Окрашена охрою хриплой" - близко к "чтоб охрою ты прокричала"; вся строка инструментована: окр - охр - хр. Метафора хрипlosti будет далее использована (не в привычке поэта сразу отказываться от найденного образа).

Впервые включена в систему образов "гора" (еще не названный Ара-рат), - важнейшая особенность пейзажа Армении. Она дана также как примета обиженности, обделенности земли, которая заставлена горой, огнявшей часть неба. С этим же значением связан "застенок", "тюрьма" и даже "тишина" ("злая"), и даже, косвенно, мотив ненужного солнца (связан с "бедным небом"). Персидские деньги - примета далекого прошлого, древности, дряхлости ("ненужными сделались дни").

Во всех этих вариантах зачина стихотворения сразу вводится мотив трудной природы и трудной истории, между тем как ранее сама эта тема возникала только в 3-й строфе. Стихотворение приобретает большую тематическую компактность (ведь далее следовали бы строфы с этой же темой: "Страна москательных пожаров..." и т.д.).

В этом отношении характерны и варианты заключительных строф третьей редакции.

Они также содержатся в черновой правке на этом же экземпляре машинописи. Между строфами "Как люб мне язык..." и "Как люб мне натугой..." вновь вписана отброшенная во второй редакции строфа из редакции первой ("Багряные "уни" и "ани").²⁶ В строфе "Раздвинь осьмигранные плечи..." (последней в машинописи) сделана поправка (ее характерность уже отмечалась выше):

Послушаем львиные речи
(...) ²⁷ твоих сыновей.

Затем вся эта строфа зачеркнута. На полях написано (под диктовку) еще одно четверостишие:

Твое пограничное ухо ²⁸
Привыкло к картечной тиши
Желтуха, желтуха, желтуха
В проклятой горчичной глуши.

Оно переправлялось в свою очередь:

Кто ты? Молодая? Старуха?
Привычно к картечной тиши
Твое пограничное ухо ²⁹
Все звуки ему хороши.

Здесь в прямом выражении дана из ключевых метафор стихотворения (сравним в 6-й строфе "молодые гроба"). Картечная тишь (на границе) — характерный для Мандельштама оксюморон (парадокс). Поэт все же пожертвовал этим интересным вариантом и вернул мотив окраски (одновременно слив его с мотивом болезни):

Кто ты? Молодая? Старуха?
Цветной карандаш искроши —
Желтуха, желтуха, желтуха.
В проклятой горчичной глуши. ³⁰

Так завершался третий этап истории текста. Замыкался, казалось бы, круг ассоциаций от первой к последней строфе: охра, желтая земля (подомва), желтуха; цветной карандаш (крошащийся) даже соединял этот

финал с прежним началом (быть может, мыслившимся как отдельное стихотворение - "Ломается мел и крошится").

В конечном счете третья редакция оканчивалась строфами "Как люб мне натугой живущий..." и "Твое пограничное ухо" (последнее - с использованием во 2-м стихе приведенного варианта 4-го стиха):

Твое пограничное ухо -
Все звуки ему хороши -
Желтуха, желтуха, желтуха
В проклятой горничной глуши.

Вся редакция сугубо черновая. При переделке автором проставлены номера строк (1-7). Весь текст перечеркнут несколько раз.

Четвертая (также черновая) редакция - на другом экземпляре все той же машинописи.³¹ Уже набело переписан³² окончательный, восторжествовавший над другими десятью, вариант зачина ("Ты красок себе пожела-ла..."). Проставлена цифра 2 - означавшая место стихотворения в продолжавшем формироваться цикле. Возможно, что место первого стихотворения еще занимали две строфы старого зачина. Последнее четверостишие (это в машинописи всегда "Раздвинь осьмигранные плечи...") также зачеркнуто. Вместо него набело вписана³³ строфа, вырабатывавшаяся перед тем - "Кто ты? Молодая? Старуха?...", но затем зачеркнута и она. Стихотворение завершалось теперь такими двумя строфами:

Твое пограничное ухо -
Все звуки ему хороши -
Желтуха, желтуха, желтуха
В проклятой горничной глуши.

Как бык шестикрылый и грозный
Здесь людям является труд,
И кровью набухнув венозной,
Предзимние розы цветут.³⁴

Наконец, пятый этап работы отразился в пометах, на новый лад распределяющих этот (начисто скопированный) материал в цикл.³⁵ Над текстом опять поставлена цифра 2. Проведена черта над строфой "Твое пограничное ухо...". Тем самым восстанавливался финал третьей редакции, а новая строфа "Как бык шестикрылый и грозный..." изолировалась. Последнее очень важно, так как косвенно подтверждает правомерность его публикации в качестве отдельного стихотворения.³⁶

Есть еще один экземпляр той же машинописи. Он свидетельствует о непрекращавшихся колебаниях поэта. Сначала зачеркнуто, затем восстановлено³⁷ первое четверостишие - "Ломается мел..."; второе - не за-

черкнуто; вписано³⁸ и отнесено к месту после строфы "Как люб мне натугой..." четверостишие "Кто ты? Молодая? Старуха?...". Получалась еще одна композиция, из 9-ти строф.

Окончательный текст содержит 5 строф. Остальные строфы и их варианты послужили основой для самостоятельных стихотворений все увеличивавшегося цикла. Отдельным стихотворением, но не вошедшим в цикл, стали строфы "Как люб мне натугой..." и "Твое пограничное ухо". Оно опубликовано в издании "Библиотека поэта" и в американском четырехтомнике, по рукописному сборнику 1935 г.

Необходимо разобраться в "правах" замечательного четверостишия "Как бык шестикрылый и грозный". Мы видели, что оно было изолировано автором и им самим отдельно переписывалось. Возможно, что в первой журнальной публикации оно выпало по внешним причинам, и что автор им дорожил. В рукописном сборнике 1935 г. оно фигурирует как самостоятельный текст, предшествующий всему циклу "Армения".³⁹

Во всяком случае, это четверостишие - еще один прекрасный текст Мандельштама, и очень характерный для принципов его работы. Возникшее одним из последних среди вариантов разбиравшихся нами строф, оно выросло из прежних мотивов: тяжкого труда; шестерки быков, Вавилонской древности (бык - теперь мифический, шестикрылый); старости (венозная кровь, поздние - предзимние - розы). Но образы его - совсем новые и по другому впечатляющие.

Среди черновых набросков к прозаической "Армении", - в небольшом очерке, условно нами названном "Читая Палласа",⁴⁰ - Мандельштам, говоря о старинном писателе, употребил выражение "... он надставляет свой горизонт...". Не буквально, конечно, но в какой-то степени это может быть отнесено и к образотворческому процессу у Мандельштама.

Невозможно утверждать положительно (и, конечно, никогда не появится подтверждающий нижеследующую ассоциацию намек), знал ли (впрочем вероятно знал), вспомнил ли в какой-то момент Мандельштам шуточное стихотворение Жуковского "Бык и роза". Так или иначе, непрестанно обрабатывавшийся мотив быка - в жтом четверостишии дополнен мотивом розы. Столь характерная реалья природы страны здесь возникла впервые. А далее, с разворачиванием цикла, ей предстоит стать еще розе в снегу", "венценосный шиповник", "добудем розу без ножниц" ("Руку платком обмотай..."), "розовый мусор, муслин" (там же). В нескольких стихотворениях цикла мотив розы - решающий.⁴¹ И, может быть, самое главное то, что мотивом розы в окончательной редакции открыва-

ется весь цикл:

Ты розу Гафиза колышешь...

Это стихотворение также выросло из мотивов и отдельных строф ранних редакций стихотворения "Ты красок себе пожелала...". Имя Гафиза (уточнение к розе) - имеет (косвенно) соответствие в персидских мотивах прежних вариантов. В стихотворение вошли почти нетронутыми мотивы первой и третьей редакций ("осьмигранные плечи / Мужичьих бычачьих церквей", "Чтоб охрой ты прокричала", "Окрашена охрой хриплой", "Заставлена (...) горой").

Стихотворение "Ты розу Гафиза колышешь" (не приводим его) и в других отношениях целиком строится на основе прежней, подробно разобранной выше авторской концепции. Как раньше, но уже совсем явственно, сведены воедино темы детскости и звериности:

И нянчишь зверушек-детей.

По аналогии с детским рисованием, с которого начинался весь сюжет, подключаюсь еще одно сходное детское занятие - переводные картинки:

А здесь лишь картинка налипла
Из чайного блюдца с водой.

Сохранились и отрывочные наброски, совмещающие этот новый образ с прежними мотивами исторической обиженности:

На требе истории хриплой
Звучат далеко⁴² за (горой)

Плечью осьмигранными дышишь

На том же автографе - слово "декалькомани" (т.е. переводные картинки). Может быть, это признак того, что мыслился и такой вариант:

На требе истории хриплой
Звучат голоса за горой
А здесь лишь картинка налипла
Из чайного блюдца с водой

(3-й и 4-й стих берем условно из окончательного текста). "Истории хриплой" - новый перенос уже употреблявшегося эпитета: в прежних редакциях было "охрой хриплой". Обделенность историей подразумевается и в окончательном тексте стихотворения "Ты розу Гафиза колышешь...", хотя слово "история" отсутствует; ее символом является гора (Арабат):

Ты вся далеко за горой.

Так, объединяя в группы разные варианты первоначального большого стихотворения, Мандельштам создал по меньшей мере три (а может быть и четыре) самостоятельных стихотворения. Два из них - основополагающие для цикла "Армения", одно - не вошедшее в цикл, а также, по-видимому, и еще одно, - из четырех строк - "Как бы шестикрылый и грозный...". Группировка вариантов в самостоятельные стихотворения и таким способом создание из них цикла были частично применены и в работе над стихами Андрей Белому.

Половина стихотворений всего печатного цикла "Армения" (№№ 1-6) либо текстуально, либо мотивами теснейшим образом связана со своим первоисточком - стихотворением "Ломается мел и крошится...".

В "Ах ничего я не вижу..." - и булочник, играющий в жмурки, и лев, и птицы, и шкурки (лаважные); хриплая охра, оглохшее ухо, ограниченность зрения (была "заставленность" горой).

В "Закутав рот, как влажную розу..." - и роза, и географическая среда (здесь это "окраина мира"), мотивы осьмигранности, москательности, Вавилона ("улиц... Вавилоны"), смерти ("И с тебя снимают по-смертную маску").

В "Оружиях камней государство..." в новом соотношении даны почти исключительно прежние мотивы: "оружие камни" - это контаминация, при посредстве переноса эпитета (было ранее - "оружий{...} народ" и "среди камней"). Мотив хриплости ("хриплая охра") перенесен на горы ("хриплые горы"). "Солнца персидские деньги" - и это было, хотя и в другой трактовке.

В стихотворениях второй половины цикла (№№ 7-12) реминисценций первоначального текста меньше, они не всегда прямые, но имеются и там ("звериность" - "звериное и басенное христианство" в "Не развалины, нет..."; там же птички и звериные уподобления предметов). "Весь воздух выпила огромная гора" - это снова вариация "заставленности" горой. В окрашенном грустью "Я тебя никогда не увижу..." - близорукость, как метафора "бедного", уменьшенного в обзоре неба; тут же фигурирует Арарат (ранее была "заставленность" горой). От прежних "гончарных равнин" - метафора "авторов гончарных", "книги" земли. В последнем стихотворении цикла ("Лазурь да глина, глина да лазурь") эти мотивы разыгрываются непосредственно вслед за стихотворением "Я тебя никогда не увижу...". Опять мотив однообразия окраски, прищуривания глаз. Близорукость хотя и отнесена к новому лицу в сюжете - шаху - но само появление шаха подготовлено персидскими мотивами прежних вариантов.

Приведем еще несколько черновых вариантов стихотворений цикла. Окончательный текст стихотворения "Руку платком обмотай и в венценосный шиповник..." - результат переработки и сокращения оставшегося в черновике зачеркнутого трудночитаемого стихотворения, с образами, появившимися впервые:

Ты только погляди на армянские кладбища -
Землетрясением раскиданные рыжие валики
Похожие на футляры от швейных машин [Зингера]⁴³
Чем-то испуганные, в беспорядке бегущие.⁴⁴

Здесь слышен храп румяных царей и бородатых ангелов⁴⁵
Извиняющийся⁴⁶ храп неграмотных священников
Свиристящий храп носатых филистеров
Петриарший храп (нрзбр) ремесленников
И буйволиный храп крестьян.

Армянские могилы (надгробия) привлекли пристальное внимание поэта. В печатном прозаическом "Путешествии в Армению" они фигурируют, но не без иронии, в главе "Севан" (с тем же эпитетом - "рыжие"). В подготовительных записях к "Путешествию в Армению" (так называемые "Записные книжки") упоминаются "валики" надгробий, в том же уподоблении футлярам от швейных машин, что и в процитированном наброске стихов. Небезразлично для смысла, что швейная машина ассоциируется с домашностью и трудом.

Первоначально найденная еще для стихотворения "Ломается мел..." формула - "молодые гроба" - здесь развернута в подробную картину живого, богатырского патриархального отдыха, сна. Если там приравнивалась жизнь к смерти, то здесь - смерть к жизни ("Разве это смерть? ..."); в сущности и там и здесь это дано как одно и то же. Разумеется, аналогом прежним "бычачьим" метафорам является "буйволиный храп" покойников. Кладбище связывает живущих и умерших, нынешних и древних.

Есть также черновой набросок (частично вошедший в окончательный текст стихотворения "Руку платком обмотай..."), где фигурирует роза (шиповник) и где сама роза оказывается включенной в систему древности ("лепесток соломоновый"), вместе с обрушенными древними колоннами.⁴⁷ Выстраивается ряд: роза, как драгоценное и простое сырье в архаическом производстве, и, в той же роли, колонна:

А шиповник Звартноца осыпающийся при первом прикосновении
Розовый мусор - муслин - лепесток соломоновый
И для шербета негодный дичок
Не дающий ни масла, ни запаха?

Роза фазтонщика⁴⁸ и угрюмого сторожа
Охраняющего руины запущенного форума⁴⁹
Где срубленные (?) дубы в (пробел) обхвата
Рулоны каменных ковров.

Слова "рулоны ковров" ведут к товарным ассоциациям древности, что проявится дальше в другом варианте ("Товар из вавилонской лавки").

К этому замыслу примыкает и совсем еще не отделанный черновой набросок (на обороте машинописного текста стихотворения "Ломается мел и крошится"), в котором нежность к Армении прорывается более непосредственно, но все в тех же мотивах:

Дорогая дорогая дорогая
Древняя древняя древняя
В три цвета раскрашенный атлас земли Птолмеевой
Ликом льва ставшее (?) ребяческое изображение
(пробел) из тысячи тысяч детей⁵⁰

И с сундуками⁵¹ путешествующие деревенские кладбища
Землетрясением раскиданные рыжие наливки
Словно футляры от швейных машин
Чем-то испуганные, в беспорядке бегущие.

К стихотворению "Не развалины, нет, но порубка могучего циркульного леса..." в черновом автографе есть вариант:

(пробел) как товар из вавилонской лавки
Виноградины с голубиное яйцо и рыбы как пшеничные хлебы⁵²
И нахохленные орлы с совиными крыльями, еще не оскверненные византийской службой.

К стихотворению "Холодно розе в снегу..." в черновом автографе - наброски: "Иль дудкой приманить иль как-нибудь еще"; "Иль дудкой приручить (пробел) Арарат Арарат Урарту" (зачеркнуто); "Иль дудкой приручить как страуса иль фламинго".

Среди черновых рукописей цикла "Армения" есть также наброски, по-видимому, относящиеся к совершенно неосуществленным замыслам стихотворений:⁵³

Запряжка быков везет апельсиновый напиток(?)
Чтобы строить дома из цуката
И голенастые поливальщики улиц
Как сеятели разбрасывающие брызги.⁵⁴

Выбелив дом ушли штукатур и плотник(?)
Двина прозрачного уксусно-горького (?) выпить
Мусор сожжен драгоценный.⁵⁵

Есть профессора гадающие на настоящее и поклоняющиеся дьяволу.
Губы прислушивающиеся к священному шепоту.⁵⁶

Структура, ассоциации, реалии метафор в цикле "Армения" столь же прихотливы, как обычно у Манделъштама. Но - и это, очевидно, было сознательной установкой - метафоры в "Армении" отличаются ясностью значений, досказанностью, понятностью. Реалии часто берутся из повседневного быта, в том числе и тогда, когда ассоциации ведут к глубокой древности. Сама эта манера выражала концепцию данной культуры и страны.

Но реалии - символически связаны в первую очередь с историей культуры. Недаром роза - это "роза Гафиза", а описание земли в последних стихотворениях цикла - метафора "книги", культуры; или, наоборот, "книга" - метафора земли, что то же самое. Эта метафора дана и в оставшемся за пределами цикла стихотворении "Колючая речь араратской долины...". Кстати, тут эпитет "колючая" - скорее всего ассоциирован с розой. Последняя строчка - "черной кровью запекшихся глин" - возвращает к мотиву "венозной" (черной) крови "предзимних роз" в четверостишии "Как бык шестикрылый и грозный".

П р и м е ч а н и я

1. Это часть автографы, частью записи под диктовку автора рукой Н.Я. Манделъштам, а также прижизненная машинопись. Опубликовано очень немного.
2. Комментарий Н.И. Харджиева к "Стихотворениям" О. Манделъштама, 287.
3. Запись рукой Н.Я. Манделъштам, с авторской датой "16 окт.1930" и последующей правкой, превратившей рукопись в черновик последующих редакций.
4. Строфы 1, 2 опубликованы Н.И. Харджиевым в указ. изд., 286.
5. Взято в кавычки мною.
6. Эта догадка помогла прочтению текста (начертание "уни и ани" неразборчиво).
7. Армянскому языку много внимания уделено и в прозаической "Армении". В стихах концепция оказывается сложнее, в силу большей ассоциативности поэтических образов.
8. Характерно - "вдали якореи и трезубцев". Море, приморье у Манделъштама - всегда среда, благоприятствующая жизни материальной и жизни культуры.

9. И в прозаическом "Путешествии в Армению", и в черновиках стихотворной Армении не раз фигурируют каменные "валики" надгробий.
10. Строфа написана справа на полях рукописи и отнесена стрелкой к своему месту после строфы "Как люб мне язык твой зловеший". Зачеркнута, но затем (выше) написана еще раз.
11. Строфа - слева на полях. Пробовался также вариант начала этой или предыдущей строфы: "А там в архалуке оглохший" (2-й стих не поддается прочтению).
12. Линия зачеркивания превращена в стрелку, снова относящуюся эту строфу к месту после слов "И каждое слово - скоба".
13. Размашисто надписано автором над стихотворением. Характер почерка отличен от даты, авторизовавшей первоначальную редакцию (см. выше).
14. На левой стороне листа.
15. В том, что машинописная редакция более поздняя, чем рассматривавшийся выше авторизованный список с поправками, нет сомнений, поскольку здесь уже использована правка строки "мужицких бычачьих церквей" на "крепостей", а выработывавшаяся в черновых набросках на полях строфа "Как люб мне натугой живущий..." включена в основной текст. Кроме того, машинопись уже сразу озаглавлена "Армения".
16. Многое поддается прочтению с трудом.
17. Обе строфы - слева на полях.
18. Известно по воспоминаниям жены поэта, что далее "рисующий лев" был подсказан пеналом с изображением льва (рисующего?).
19. Левый край листа оборван.
20. Этот и предыдущий вариант зачина находится слева на истлевшем сгибе нижней части разорванного пополам листа машинописи с полным текстом стихотворения.
21. Текст следующих двух строф - результат сложной правки данной строфы.
22. Строфа написана внизу справа на полях.
23. Переправлено из "Ты вся".
24. Вместо зачеркнутого "истомилась".
25. Использовано в стихотворении "Орущих камней государство".
26. Не полностью, под диктовку, рукой Н.Я. Мандельштам, справа на полях (чертой отнесено к своему месту).
27. Оставлены не зачеркнутыми слова "Открой мне". Либо поправка торопях не закончена, либо мыслилась строка "открой мне твоих синовей". Последнее маловероятно, но не может быть совершенно исключено.

28. Очень неразборчиво, но читается именно это слово, согласующееся с контекстом.
29. Дважды набрасывалось автором; второй раз - начисто. Вопросительный знак после слова "молодая" отчетливо виден. "Старуха" - развитие прежнего мотива "седин".
30. Эта строфа есть и в другой, белой копии. Приведена в издании "Библиотеки поэта".
31. Также сохранился разорванным надвое.
32. Рукой Н.Я. Мандельштам, рядом с постоянно зачеркивавшимися двумя строфами прежнего начала ("Ломается мел..." и т.д.).
33. Рукой Н.Я. Мандельштам, справа на полях.
34. Набело, слева на полях. В одном из вариантов: "Быком шестикрылым и грозным...". Обратим внимание на характерное развитие цепочки значений (шестерка быков - шестикрылый бык).
35. Беловая запись рукой Н.Я. Мандельштам, из строф: "Ты красок себе пожелала...", "Страна москательных пожаров...", "Вдали якорей и трезубцев...", "И крови моей не волнуя", "Как люб мне язык...", "Как люб мне натугой...", "Твое пограничное ухо...", "Как бык шестикрылый и грозный".
36. В собрании М.А. Зенкевича и в семейном архиве имеется отдельная запись (автограф) этого четверостишия.
37. Волнисто чертой слева.
38. На полях справа, рукой Н.Я. Мандельштам.
39. Список делался под наблюдением поэта. Под четверостишием отдельно поставлена дата: октябрь 1930. Является ли оно здесь эпиграфом - графически неясно; скорее нет.
40. "Вопросы литературы", 1968, № 4.
41. Отсюда мотив розы перешел и в стихотворение "Фаэтонщик".
42. Вариант: голоса.
43. Слово "Зингера" зачеркнуто еще до отмены всего текста.
44. Ниже зачеркнутые слова: Я не останусь {?} скисать {?}.
45. Выше зачеркнуто: Разве это смерть? Здесь слышен храл.
46. Зачеркнуто: дружный.
47. Аналогия между розой и колоннами: осыпавшаяся роза ("розовый мусор...") - обрушенные колонны.
48. Итак, даже "фаэтонщик" в одноименном стихотворении - разработка одного из мотивов "Армении".

49. В автографе - "запущенный форум". Тут же вписано слово "руины".
50. Над зачеркнутыми строчками "Лицом {...} тысяч детей": "Рассказ Геродота из самых неверных источников".
51. Зачеркнутое: "Как города". К этому месту относится строчка: "как сундучки народа исчезнувшего".
52. Вместо "как пшеничные хлебы" было зачеркнутое: "из каменной соли".
53. Все три читаются с трудом.
54. "Разбрасывающие брызги" зачеркнуто. Возможно - "размахивающие". К этому месту относится на полях: "размажнувшись". Записано на листе с черновиком стихотворения "Какая роскошь в нищенском селенье ...".
55. На обороте одного из листов с черновиком "Холодно розе в снегу".
Двин - старая марка армянского вина.
56. На обороте черновика "Не развалины, нет...". - Обе строки зачеркнуты. Сравним отрывочную запись, относящуюся, повидимому, к прозаической "Армении": "Лисиция профессор гадающий на шорохе листьев" (на обороте белого автографа стихотворения "За гремящую доблесть...").